

Ощущение, что на тебя на полной скорости несется поезд, априори не может быть приятным. Это Натка хорошо помнила еще с того момента, как попала в ковидный госпиталь. Именно тогда она впервые осознала, каково это — оказаться лицом к лицу с неизбежным, когда от тебя ничего не зависит. Вообще ничего, ни капельки.

Однако испытываемое ею сейчас ощущение было еще хуже. Ей казалось, что она сидит на крыше того паровоза (или тепловоза, в железнодорожных терминах она не очень разбиралась), который на полной скорости несется в бездну, увлекая за собой вагоны. Свистит ветер в ушах, мелькают какие-то незнакомые полустанки, невидимый машинист разгоняет поезд все быстрее, а она, Натка, сидит себе на крыше, не имея возможности ни повернуть несущуюся к краю машину, ни спрыгнуть.

Конечно, в ее случае машинист, управляющий поездом, ей хорошо знаком. Более того, в его роли выступает ее любимый мужчина — капитан

Таганцев, да и прыгнуть с поезда вполне реально. Только в результате этого кульбита можно серьезно разбиться. Точнее, разбить спокойную, устаканившуюся, да что там греха таить, счастливую совместную жизнь с этим самым капитаном Таганцевым.

Буквально в прошлые выходные, когда Натка, чтобы всласть насладиться крайне удавшимся в этом году летом, ездила на дачу, она слышала, как у Татьяны Ивановны Сизовой, ее соседки и по совместительству ангела-хранителя, играла какая-то песня, скачанная из интернета. Пользоваться поисковиком для того, чтобы запускать полюбившуюся музыку, а также выводить ее через большую колонку так, чтобы было слышно на участке, стариков Сизовых, разумеется, научил Сенья.

Нововведение пенсионерам пришлось по вкусу, а блютус-колонку Натка подарила любимым соседям на очередную годовщину семейной жизни, аккуратно перед началом дачного сезона, так что музыкальным сопровождением теперь могла наслаждаться вся деревня. Вот и Натка наслаждалась, в том числе и песней, в которой были такие слова: «Смахни осколки и плачь, теперь не будет огня. Из тысячи неудач ты — главная для меня»¹.

¹ Из песни Юрия Смылова «Осколки».

Почти семейная жизнь с Таганцевым могла разбиться именно на такие вот осколки и стать главной неудачей, к чему Натка была категорически не готова. Поэтому старалась удержаться на крыше стремительно несущегося поезда: то упираясь ногами, то хватаясь руками за какие-то невесомые отсюда взявшиеся металлические поручни. Таганцев, к счастью, ее отчаянных стараний не замечал, полностью уверенный в том, что ведет поезд в правильном направлении.

Например, сейчас состав выдвигался в сторону города Энгельс в Саратовской области. Того самого, из длительной командировки в который Костя совсем недавно вернулся. С победой, разумеется, вернулся, помог тамошним сыщикам вычислить и обезвредить серийного маньяка и, будучи награжденным за усердие отпуском в разгар лета, что, признаться, бывало нечасто, теперь вез в Энгельс Натку, причем по сугубо личным делам.

Сугубо личное дело звали Настей. Настенькой. Настюшкой. И было этому делу два с половиной года от роду. Белокурый ангелочек с огромными синими глазами, которого капитан Таганцев, прямо скажем, вытащил из очень неприятной ситуации, сейчас находился в доме ребенка. Костина идея-фикс заключалась в том, что Настеньку им с Наткой следует усыновить.

То есть, разумеется, удочерить. И цель первого визита заключалась в том, чтобы показать Натке ангелочка, чтобы она тут же бесповоротно в него влюбилась. То есть, разумеется, в нее.

Натка, видевшая Настюшку только на фотографии, признавала, что девочка правда чудо как хороша, но вот в своей способности с места в карьер влюбиться в ангела была не уверена. В ее повседневной жизни и так слишком много неопределенности и достаточно суматохи. Старшая сестра Лена всегда называла Натку авантюристкой и вытаскивала из различных историй, в которые младшая попадала с завидной регулярностью.

Сын-второклассник Сеня, которого Натка с самого рождения воспитывала одна, находился на пороге подросткового возраста, и Натка, глядя на племянницу Сашку, дочь Лены, подозревала, что гладко этот период точно не пройдет. Если уж для благоразумной Сашки не прошел, то для неугомонного Сени, выдумщика и предприимчивого фантазера, не пройдет точно.

Кроме всего прочего, несмотря на решительный и бесшабашный характер, судьбоносные решения Натке всегда давались непросто. К примеру, она никак не могла решиться выйти замуж за Костю, с которым встречалась уже несколько лет и который почти уговорил ее стать его законной женой. Вот только короткое слово «почти»

было в этом вопросе ключевым и последнего шага — через порог ЗАГСа — Натка так и не сделала. А тут ребенок. Чужой, достаточно большой, наверняка не очень благополучный. А что? Дети из нормальных семей в доме ребенка не оказываются.

Но Константин был так взволнован судьбой девочки, так рвался забрать ее в нормальную семью, компенсировать те страдания, через которые Настюшке довелось пройти, что сказать вслух о своих сомнениях Натка не могла и сейчас покорно ехала в Энгельс, посмотреть на Настеньку. В голове крутился дурацкий мем, взорвавший интернет. «Вы рыбков продаете? Нет, только показываем. Красивое». Вот и она пока ехала только смотреть, а не «покупать», и эта мысль хоть немного успокаивала. Время до окончательного принятия решения еще есть.

Она даже Лене не рассказала о том, куда и зачем они с Таганцевым едут. Не хотела, чтобы кто-то знал до тех пор, пока обратного хода точно не будет. Натка и сама не понимала, чего больше боится: что старшая сестра раскритикует идею, сказав, что у них с Таганцевым «не все дома», или, наоборот, того, что горячо поддержит. Зная Лену, можно было допустить оба варианта.

Сеня опять гостил в деревне у Сизовых, и Натка была очень благодарна соседям, что

те, уже в который раз, выручают ее на школьных каникулах. Сеня проводил у них большую часть лета, потому что плюсы свежего воздуха, фермерского молока, теплой речки и веселой деревенской компании трудно было переоценить. Если бы не Татьяна Ивановна и Василий Петрович, сидеть бы Сеньке в московских каменных джунглях. Конечно, непоседливость ее сына доставляет соседям немало хлопот, но те, не имея своих детей, мальчика любят как родного внука, да еще и программу для чтения на лето осилить помогают. Сама Натка бы точно не справилась. Сдалась. Какой современный ребенок летом готов читать книги, скажите на милость.

В общем, Сеня был пристроен еще минимум на неделю. Лето кончалось, до первого сентября рукой подать, поэтому поездку в Энгельс решили не откладывать, во-первых, и отправиться на машине, а не на поезде, во-вторых, восемьсот пятьдесят километров, которые предстояло преодолеть по трассе, для опытного водителя Таганцева препятствием не являлись, а наличие машины жарким летом, да еще когда едешь в город, расположенный на Волге, выглядело значимым преимуществом. Пусть маленькое, но все же путешествие. К тому же после всевозможных ограничений в последние годы Натка соскучилась больше всего по путешествиям.

Сейчас, собираясь в дорогу, она вспоминала, как впервые услышала от Таганцева про Настюшу. Случилось это в апреле, в тот самый момент, когда зима уже сдавала свои позиции, но весна задержалась где-то на подходах. Или это Натка после больницы постоянно мерзла и хандрила без уехавшего в командировку Кости, по которому, оказывается, тосковала гораздо сильнее, чем могла себе представить.

Он занимался важным и сложным делом, однако звонил каждый день, стараясь, насколько это возможно, поднять настроение любимой женщине и развеять овладевшие Наткой хандру и апатию. Рассказывать он пытался что-то либо веселое, либо нейтральное, что с его работой было довольно трудно, особенно учитывая то обстоятельство, что ловили они в то время серийного убийцу. Но Костя старался.

В тот день Натка по первым словам любимого поняла, что он расстроен, причем довольно серьезно.

— Что-то случилось, Кость? — спросила она осторожно. Вмешательства в рабочие дела Таганцев не терпел.

— Да я сегодня был в областной детской больнице и целый день не могу отойти от увиденного, — признался он.

Натка ничего не поняла. При чем тут областная больница, да еще и детская. А Таганцев объ-

яснил, что к чему. В социальных сетях он наткнулся на шум, поднятый женщинами, лежавшими в областной детской больнице со своими маленькими детками. Одна из девочек в палате оказалась из дома ребенка, а потому лежала целыми днями совсем одна. Понятно, что ребенку двух с половиной лет трудно объяснить, почему надо лежать, когда тебе, к примеру, ставят капельницу, поэтому медсестры девочку привязывали на время процедуры, да и после отвязать, бывало, забывали.

Часами к малышке никто не подходил. Ее даже умывали не каждый день. Понятно, что сердобольные соседки по палате старались помогать как могли, но у каждой из них на руках свой больной и капризный ребенок. Когда же они обращались к персоналу с просьбой как-то внимательнее относиться к девочке, которую звали Настей, то слышали в ответ, что рук не хватает, забот и так слишком много, а ребенок детдомовский, поэтому жаловаться никто не будет, да и отвечать не придется.

По словам автора поста, которая несколько дней наблюдала подобное халатное отношение медперсонала к никому не нужной Насте, девочку привезли в больницу по «Скорой» с высокой температурой и сильной рвотой. Случилось это поздно вечером, но до самого утра к малышке ни-

кто так и не подошел. Организм сам справлялся с жаром, и к утру Настюша совсем обессилела.

Завтрак ей принесли, как и всем остальным детям, но других малышей кормили их мамы, а у Насти не было сил самой держать ложку, да и сидеть она не могла. Поэтому, когда пришла пора собирать пустые тарелки, всю Настину еду унесли нетронутой, даже не обратив внимания, что ребенок остался голодным. Уколы малышке делали, не меняя перчаток, а когда одна из женщин сделала медсестре замечание, та с брезгливой гримасой сказала: «Да что ей сделается, детдомовской?»

Прочитав эту историю, Таганцев почему-то никак не мог успокоиться. Казалось бы, у него было свое важное дело, требующее холодной головы и полной сосредоточенности, однако мыслями он то и дело возвращался к судьбе несчастной Насти, которой не повезло оказаться в доме ребенка, а потом еще и попасть в больницу, где до нее никому не было никакого дела.

Решение съездить в больницу и своими глазами посмотреть на ребенка пришло неожиданно. Тот факт, что все лечебные учреждения были закрыты на карантин и посетителей туда не пускали, Константина не смущал. Его удостоверение московского опера открывало и не такие двери. В больничной палате он и увидел Настю в первый раз.

Несчастный ребенок опять лежал, привязанный к кровати за ручки собственными колготками. Капельница у нее давно кончилась, но снимать ее никто не торопился. Девочка не плакала, лишь смотрела ярко-синими глазенками на то, как увлеченно играют на своих кроватях другие дети. Когда Таганцев увидел ее бледное, не по-детски серьезное личико с огромными, словно бездонными глазами, у него зашло сердце.

— Понимаешь, — рассказывал он вечером Натке, — у ребенка, которому нет трех лет, глаза взрослого человека. Вот я, сама понимаешь, много чего в этой жизни видел, а более страшной картины не припомню. Не должно так быть, чтобы больные дети оставались совсем одни, наедине с болью и страхом. Неправильно это. Вот только что делать, я не знаю.

— Зато я знаю, — выпалила Натка. — Надо позвонить Лене, она обязательно что-то придумает.

— Ну, что ты выдумываешь, как это Лена сможет помочь. Это в Москве она — судья, а за ее пределами такой же гражданин Российской Федерации, как и мы с тобой. Заставить по-человечески относиться к больным детям она не сможет. Никто не сможет компенсировать отсутствие человечности и эмпатии. Понимаешь?

— Никто не сможет, а Лена сможет, — убежденно сказала Натка. В умении своей стар-

шей сестры с блеском решать самые сложные проблемы она не сомневалась ни капельки. — Она Плевакина подключит, а он знаком с Артемом Павловым, который уполномоченный по правам детей. Тот уж точно сможет в этой больнице какую-то проверку устроить. В общем, звони Лене, объясняй ситуацию, я совершенно уверена, что все получится.

Разумеется, Натка оказалась права. Лена к истории про несчастную брошенную в больнице сиротку отнеслась со всей серьезностью. С председателем райсуда Плевакиным поговорила, тот свои связи задействовал, и к решению проблемы подключились и уполномоченный по правам ребенка, и какие-то депутаты Госдумы.

После того как история попала в СМИ, прокуратура и Следственный комитет тоже не остались в стороне, против медсестры, которая допустила незаконное лишение свободы несовершеннолетнего, а именно так на юридическом языке называлось привязывание маленького ребенка к кровати, возбудили уголовное дело, которое грозило той лишением свободы на срок от трех до пяти лет, а действия или бездействие руководства больницы проверяли на халатность.

В общем, шум тогда вышел большой, к Настюше в больнице приставили няню, которая умывала и кормила девочку, когда той разрешили

вставать, водила ее в игровую комнату и на прогулку, читала ей книжку, и через месяц Настю выписали полностью здоровой, после чего она вернулась в дом ребенка.

Впрочем, уполномоченный по правам ребенка на этом не остановился и добился, чтобы премьер-министр страны подписал специальное постановление об обязательном сопровождении детей-сирот во время лечения в больнице. Теперь с ними в лечебное учреждение должен был отправляться взрослый — либо сотрудник детского дома, либо волонтер или представитель НКО. Конечно, речь шла только о маленьких детях, таких как Настюша, но постановление, которого так долго ждали благотворительные организации, решило огромную проблему.

Другими словами, то ли Настя с ее синими глазами, то ли неравнодушный Таганцев, не прошедший мимо чужой беды, то ли счастливое стечение обстоятельств, позволившее судье Елене Кузнецовой вовлечь в ситуацию сильных мира сего, сдвинули с места огромный воз и позволили тысячам одиноких больных малышей не оказаться без заботы и внимания. Натка всей этой историей вообще и капитаном Таганцевым в частности очень гордилась, но искренне считала эту страницу жизни перевернутой. Тем больше она удивилась, когда выяснилось, что Константин считает иначе.

До своего возвращения в Москву он несколько раз навещал девочку в больнице, а после ее выписки и в дом ребенка. А потом предложил Натке для начала съездить и познакомиться с си-неглазой красоткой поближе, чтобы потом обсудить возможность ее удочерения. И вот теперь Натка вдумчиво собиралась в дорогу, одновременно прикидывая, кого оставить ответственным за кота.

Воландеморт, в просторечии Венька, появился в их доме зимой и стал неотъемлемой частью Сеньки, вот только при отправке сына в деревню было принято решение оставить непривычного к сельской жизни кота в городе на попечении Натки. Кто ж тогда мог подумать, что ей придется уехать на несколько дней. Теперь же проблема выдачи животному корма и уборки кошачьего туалета встала во весь рост. Пришлось звонить сестре и признаваться, что они с Костей уезжают.

— В Заволжье? — удивилась Лена, услышав от сестры конечный пункт назначения. — Чего это Таганцева по местам боевой славы потянуло? Или у вас там дело какое?

— Какое у нас может быть дело? — лицемерно удивилась Натка. — Таганцеву отпуск дали. Вот мы и решили прокатиться на машине, поймать последние деньки лета, искупаться в Волге. Что ты тут видишь странного?

— Сама не знаю, — задумчиво протянула Лена. Умела она зреть в корень. Не зря столько лет судьей проработала. — Но счастливого вам пути, конечно. Веньку к себе не заберу. Он у вас такой шепутной, что не разобьет, то уронит. Попрошу Сашку раз в день навещиваться к вам домой, выдавать «овса» да лоток чистить. Вы на сколько дней едете-то?

Ответа на этот вопрос Натка и сама не знала. Одно дело — если они просто посмотрят на девочку, переночуют в какой-нибудь гостинице, искупаются в Волге и двинут в обратный путь. Другое — если начнут собирать документы, необходимые для усыновления. Кстати, понимать бы еще, как это делается. Лена наверняка знает, но у нее ведь не спросишь.

— Дней пять, я думаю, — сказала она уклончиво. — В конце концов, мы же на связи будем, так что точнее я тебе позже скажу. А Сашке с моего отъезда один профит. Свободная хата в ее возрасте... Да я в молодые годы о таком могла только мечтать.

— Э-э-э, мечтательница, — остудила ее пыл Лена. — Ты не вздумай своими мыслями про возможный профит с Сашкой поделить. Ей, слава богу, есть о чем думать и чем заниматься и без свободной хаты.

— А я что? Я ничего! — бодро соскочила с темы Натка. — Я имела в виду, что она смо-

жет видео для своего блога снимать в новой локации. Ну, то есть в новом интерьере. Чем плохо? Опять же Венька у нас звезда. Может, и он ей в качестве героя для публикаций пригодится. В общем, следите за котом, я поехала.

* * *

Утром я проснулась все с тем же чувством, с которым открывала глаза на протяжении последних двух недель. Чувство было приятным — искренняя незамутненная радость. С учетом того, что оно пришло на смену тревоге, которая грызла меня изнутри с начала мая и до середины августа, оно казалось приятным вдвойне. Впервые за несколько месяцев, с начала этого самого проклятого ЕГЭ, наконец-то можно было ни о чем не тревожиться. Выпускная пора в средней школе и период вступительных испытаний в институте позади. И Сашка выдержала эти непростые испытания с честью, поступив на бюджет.

Не то чтобы я ставила перед ней такую цель, как единственно возможную. Нет, наоборот, не понаслышке зная, как тяжело дети переживают возможные неудачи на ЕГЭ, зачастую прощаясь со здоровьем, а иногда даже и с жизнью, я еще в начале последнего для дочери учебного года твердо сказала, что ставить на кон жизнь и здоро-

вые мы не будем. Не поступит на бюджет — станем учиться платно.

Сашка тогда только фыркнула презрительно. Она вообще последнее время вела себя в нашем женском тандеме как старшая. Уж более мудрая, так точно. По правде говоря, всю истерию с выпускными экзаменами и поступлением в вуз она перенесла гораздо спокойнее, чем я. Делай что должно, и будь что будет. Вот каким философским принципом руководствовалась моя взрослая дочь.

Конечно, насчет выбора института мы немного поспорили, не без этого. Ставшая довольно известным (в узких кругах, конечно, но все же) блогером, специализирующимся на теме красоты и моды, и привыкшая к свободным деньгам Александра первоначально планировала получить какую-нибудь модную и подходящую к ее образу жизни профессию, а потому присматривалась к Институту кино и телевидения. Однако шансы поступить туда были весьма невелики.

Существенные коррективы внесло и крушение блогерской карьеры в соцсети, в одночасье превратившемся в экстремистскую организацию. Нет, блог свой Сашка по-прежнему вела, однако число подписчиков в нем ощутимо уменьшилось, а реклама и вовсе сошла на нет. Я, признаться, переживала, как это скажется на неокрепшей

юношеской психике, но моя дочь в очередной раз сумела меня удивить, поскольку отнеслась к случившемуся со здоровым фатализмом.

Быстро зарегистрировала аккаунт «ВКонтакте» и «Телеграме», перенесла туда основной контент, каким-то образом переориентировала аудиторию, подала заявку на участие в какой-то окологосударственной программе по поддержке молодых блогеров, и хотя уровень доходов до того, что было, пока не дотягивал, на карманные расходы ребенку все равно хватало.

Неочевидным последствием случившегося стало решение Сашки получить нормальное классическое образование, которое позволило бы зарабатывать на жизнь без учета модных веяний, которые, как оказалось, сильно зависят от любой конъюнктуры, включая политическую. Конечно, мать-судья робко намекала на то, что юриспруденция будет востребована всегда, однако нырять в законы и кодексы моя дочь не хотела категорически.

На предложение рассмотреть экономику или журналистику она фыркала, будучи с юношеским максимализмом уверенной в том, что в ближайшие годы эти науки ждет неминуемая стагнация, а за ней и отсутствие достойных предложений на рынке труда. Медицина мою дочь никогда не прельщала, впрочем, как и педагогика, а по-

тому выбрала она направление, которое сама считала перспективным, — туризм.

— Не будет внешнего, останется внутренний, — бодро сказал ребенок, взялся за учебники, сам оплатил себе репетиторов и таки стал студентом первого курса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, заняв одно из семидесяти пяти бюджетных мест.

Признаться, как железная логика, которой Сашка руководствовалась при выборе будущей специальности, так и целеустремленность, с которой она перла напролом по направлению к студенческому билету, меня не только поразили, но и порадовали. В конце концов, любой матери приятно осознавать, что единственный ребенок вырос не балбесом. Да и финансовая сторона вопроса, признаться, играла не последнюю роль. Учиться на бюджете лучше, чем платить за образование. Это даже и объяснять не надо.

И все же, хотя Сашка и проявляла чудеса самостоятельности и благонравия, я даже самой себе не признавалась, насколько переживала из-за ее перехода из школьниц в студентки. Масштаб напряжения, в котором я прожила с мая по август, осознался только тогда, когда оно наконец схлынуло, то есть в тот день, когда на сайте вуза появились списки зачисленных и я своими глазами увидела в них Сашкину (и свою) фамилию.

И вот уже две недели я просыпаюсь по утрам с ощущением полного счастья и небывалой легкости, честно сказать, довольно непривычным.

До начала учебного года еще десять дней, и Сашка проводила последние деньки в блаженном ничегонеделании, не считая, конечно, своего блога, который для нее все так же важен. Кажется, сегодня у них с Машей, ее подругой и соавтором блога, намечался какой-то выезд на озеро Сенеж — они получили заказ на освещение достоинств муниципального пляжа Солнечногорска.

Его оборудовали как новое общественное пространство совсем недавно, оснастили деревянными настилами, кабинками для переодевания, теньевыми навесами, спасательными вышками. Признаться, на картинках выглядит прилично, жаль, что я из-за нехватки времени вряд ли смогу туда доехать. А девчонки решили воспользоваться последними жаркими деньками и совместить приятное с полезным. И работу выполнить, и денежку заработать, и позагорать, и накупаться.

Маша — настоящая актриса, студентка одного из театральных вузов, признаться, я все время забываю, какого именно. Когда они только начали дружить, я переживала, что Сашку тоже потянет к божественной жизни. Не то чтобы я считала ее плохой или недостойной, просто мой образ жизни

так далек от киношно-театральной тусовки, что я боялась, что мы с Сашкой, выбери она себе такую профессию, начнем неумолимо отдаляться друг от друга.

Но моя разумная дочь предпочла жить по принципу «дружба дружбой, а табачок врозь». Я же уже говорила, что она абсолютно адекватно оценивает себя и свои способности, а потому понимает, что актерского дарования ей бог не отсыпал от щедрот своих, а без таланта идти в эту профессию не стоит.

— Ма-ам, — звонкий голос дочери вывел меня из ставших привычными утренних размышлений о том, какая она у меня молодец. — Вставай, я там завтрак приготовила.

— С чего это? — удивилась я, поскольку излишнего рвения в домашних делах моя дочь не проявляет. Завтраки в нашей семье обычно готовлю я.

— У меня с утра занятие по вождению, я специально время пораньше выбрала, пока машин еще немного. Голодной я ездить не могу, потому что меня от волнения тошнит, не тебя же будить, я ж не зверь. Так что я приготовила яйца-пашот на листьях салата «Айсберг» и с кусочками авокадо. И на тебя заодно тоже. Правда, в твоем случае к завтраку прилагаются еще обжаренные тосты.

— А ты, я так понимаю, обошлась без них? — спросила я, вылезая из кровати и ступая ногами на теплые уже с утра половицы.

Что за август такой удивительный. С самого утра больше двадцати градусов на улице, а днем уже которую неделю подряд плюс тридцать два обещают.

— Я, мамочка, как ты помнишь, хлеб не ем. Конечно, когда ты не искушаешь меня с утра разными вкусными бутербродами.

— Да я их и сама люблю, — засмеялась я. — Так что никто тебя специально не искушает. У тебя занятие на час? С кем? С инструктором?

Зимой Сашка, не выдержав мук зависти из-за того, что ее друг Фома Горохов получил права и теперь с полным на то правом может водить отцовскую машину, записалась на курсы вождения. Собственно, оплатила она их себе тоже сама, чем страшно перед другом гордилась. Я была уверена, что если эта молодежь и поссорится, то именно из-за того, что Сашка все время козыряет перед Фомой своими заработками. С мужчинами так нельзя, сами понимаете.

Но моя дочь, оказывается, обладает не только житейской, но и женской мудростью. По крайней мере, она точно лучше меня знает, как вести себя с мужчинами, чтобы их не отпугивать, потому что с Фомой они остались неразлучны, парень вместе с другом раскрутил собственный бизнес, который Сашка безвозмездно рекламирует в своем блоге, а за это он пускает ее за руль, позволяя трени-

роваться чаще, чем это предусмотрено платным инструктором.

В начале сентября у нее экзамен на получение прав, и я точно знаю, что его она боится больше, чем ЕГЭ, поэтому зубрит правила, решает карточки и тренируется ездить по московским улицам каждую свободную минуту. Естественно, что, когда она ездит с Фомой, я переживаю не на шутку. Во-первых, это незаконно, парень и сам за рулем без году неделя. А во-вторых, в машине Фомы запасных педалей нет, так что все может случиться.

— Синструктором, — успокоила меня дочь. — Мама, ты же знаешь, что Фома меня на улицах за руль не пускает, только на специальной территории и только для того, чтобы отрабатывать «площадку». Ему штрафы не нужны, да и возможные аварии тоже. Машина-то отцовская. Так что ездю я с инструктором, а потом Фома меня забирает, мы вместе едем за Машкой и стартуем в Солнечногорск.

— Саша, я тебя умоляю, пожалуйста, аккуратнее. И на дороге, и в воде, и вообще.

— Мамочка, я тебя уверяю, что в мои планы не входит тонуть или попадать в аварии. Мне очень нравится моя жизнь, и в ближайшее время она должна стать еще интереснее и насыщеннее. Так что я буду очень-очень осторожна.

Сашка чмокнула меня в щеку, ураганом пронеслась в прихожую, одетая в шорты и белую футболку, вставила ноги в балетки, схватила заранее собранную сумку-рюкзак и исчезла. На прощание хлопнув входной дверью. Я перевела взгляд на часы, которые показывали без пятнадцати семь. Да, моя целеустремленная дочь точно знает, чего хочет от жизни. Тяжело вздохнув от того, что, пожалуй, не могу сказать того же самого про себя, я поплелась на кухню, где меня ждал полезный и здоровый завтрак, правда, с хлебом.

Отдав дань яйцам-пашот, оказавшимся настолько вкусными, что даже авокадо их не испортил, я пила уже вторую чашку кофе, когда позвонила моя подруга Машка. Наверное, есть что-то важное в том, что и у меня, и у моей дочери лучших подруг зовут одинаково, а может, это всего-навсего совпадение, но у нас обеих есть по своей Машке.

Моя — отличная хозяйка, умудряющаяся держать в узде мужа, с которым они много лет живут душа в душу, и двух сыновей. Как ей это удастся, ума не приложу. Конечно, готовит Машка так, что не только пальчики оближешь, но и ум отъешь, но не на ее же фирменных котлетках столько лет держится брак. Впрочем, Машка уверяет, что именно на них, тактично не заостряя внимания на моих более скромных кулинарных талантах.

Правда, про мое неумение выбирать «не тех» мужчин она высказывается с гораздо меньшим тактом.

— Кузнецова, ты почему, уезжая вчера с дачи, кабачки не забрала? — строго спросила Машка, когда я ответила на звонок. — Ты же радовалась, что из них можно наготовить массу диетических блюд, которые Сашка будет жрать, потому что они не нарушают диету. Говорила или нет?

— Говорила, — признала я.

— Так чего не забрала?

— Забыла.

— Забы-ыла, — передразнила Машка, впрочем, ни чуточки не похоже. — Как говорила моя классная руководительница Марья Степановна, царствие ей небесное, а голову ты свою не забыла?

Вспомнив это распространенное школьное выражение, я не выдержала и засмеялась. Нет, как же чудесно, что в это первое сентября в школу не надо идти не только мне, но и Сашке. Все, что связано со школой, можно вычеркнуть из памяти как страшный сон. И форму, и обязательную покупку канцтоваров, и мытье окон, и бесконечные сборы денег на нужды класса и школы, и родительские собрания, и...

— В общем, корзину с кабачками я сегодня привезу на работу, — ворвалась в мои мысли подруга. — Я туда еще помидоры положила, перцы, лук, чеснок, огурцы и один баклажан. Если по-

тушить все вместе, то очень вкусно получится. Только без огурцов.

— Маш, я вообще-то тоже готовить умею, — немного обиделась я.

— Умеешь, кто ж спорит, — покладисто согласилась подруга, — но тебе будешь тушить по моему рецепту, чтобы получилось не просто вкусно, а божественно. Поняла?

— Поняла.

— А к огурцам я тебе еще всякой зелени для засолки положила. Не захочешь мариновать, просто зальешь холодной водой, чтобы получились малосольные.

Моя подруга — на удивление практичная особа. У нее в хозяйстве ничего не пропадает, последнему листочку и росточку находится применение. И как у нее после нашей не самой простой в мире работы хватает сил на то, чтобы тащить на своих плечах еще и дачные заготовки, я понятия не имею. Моя Сашка называет это «битвой за урожай», хотя, на мой непросвещенный взгляд, это, скорее, выглядит битвой с урожаем. Бессмысленной и беспощадной.

Я представила, как буду выглядеть в судебной мантии и с корзиной, из которой торчат зонтики укропа, и захохотала в голос. Машка мой смех восприняла как попытку уклониться от засолки огурцов.

— Лена, — сказала она, и голос ее прозвучал отчего-то жалобно, что вообще-то моей подруге несвойственно, — ну, будь ты человеком. Я бы, конечно, могла засолить на тебя огурцы, но у меня на эти банки и дары природы глаза не смотрят, честное слово. Урожай в этом году прет так, что я не знаю, куда от него деваться. Вот давала же себе в прошлом году честное слово, что ни за что не буду сажать столько огурцов, и самое обидное, что его сдержала. В прошлом году восемнадцать кустов было, в этом только десять, а урожай в два раза больше, представляешь? Я уже и рассольника тридцать банок закатала, и двадцать трехлитровок с солеными огурцами в подвал спустила, и маринованные огурцы законсервировала, а они все не кончаются.

Представив, как по такой жаре Машка стерилизует банки и кипятит рассол, я содрогнулась. Подругу мне незамедлительно стало жалко, поэтому я торжественно пообещала, что приготовленную корзину заберу и доверенный мне урожай переработаю. Что ж, сегодняшний вечер придется провести не за книгой и не перед телевизором, а на кухне. Признаться, от этой мысли мне стало довольно тоскливо.

Следующий телефонный звонок был от Натки. Моя сестра вообще-то любительница поспать утром подольше, благо ее работа вполне это по-

зволяет. Сын ее, мой неугомонный племянник Сенька, в деревне, так что с завтраком с утра заморачиваться не надо. И чего это она в такую рань проснулась? Или у нее ночует Таганцев, а потому сестрице, хочешь не хочешь, а надо собирать бравого капитана на работу?

Причина раннего звонка выяснилась сразу. Натка с Таганцевым, оказывается, уезжали в недельный отпуск на Волгу, а потому на меня и Сашку падала забота по кормежке кота Веньки. Замечательно, еще и кот на мою голову. Если бы не бандитский характер кота, его, конечно, можно было бы забрать к себе, чтобы не мотаться каждый день к сестре на квартиру, но делать очередной ремонт я была категорически не готова. Что ж, к счастью, Сашка пока не ходит в институт, а у ее друга Фомы есть машина, с которой кормежка кота и вовсе перестает быть проблемой.

Признаться, неожиданный отъезд сестры меня удивил. Мы виделись в пятницу, после работы, и ни о какой поездке на Волгу даже речи не шло. Впрочем, особенности Костиной работы мне понятны, отпуск на несколько дней ему мог выпасть совершенно неожиданно. В Турцию по горячей путевке наверняка дорого, а погода стоит хорошая, почему бы и не искупаться в Волге, заодно изучив новые для себя места.

Последняя командировка Таганцева была как раз в Заволжье. Зная компанейский Костин характер, можно было не сомневаться, что у него там осталось немало новых друзей, которые будут просто счастливы принять у себя Таганцева вместе с дамой его сердца. Так что сестре я пожела- ла счастливого пути, пообещав кормить Веньку и убирать последствия его жизнедеятельности.

Распрощавшись с Наткой, я начала собираться на работу. Если моей сестре начавшийся поне- дельник принес путешествие и начало короткого, но все же отпуска на Волге, а моей дочери — при- ятный отдых на озере Сенеж, то мне не светило ничего, кроме дня, наполненного судебными за- седаниями. Впрочем, как и обычно.

* * *

Когда Натка с Костей выехали из Москвы, ча- сы показывали 9.21. Таганцев, конечно, анонси- ровал выезд в семь утра, путь предстоял неблиз- кий, но Натка на то и женщина, чтобы копать- ся по утрам. Как говорится, понять и простить. Ко- стя, конечно, понял и простил, как вообще всег- да прощал Натку. Любил потому что, а она этим нахально пользовалась.

Утренние пробки на улицах, конечно, уже были, не то что в семь утра, но Костя не ворчал, понимая, что «фарш невозможно повернуть на-

зад». Ну, не выехали вовремя, так что ж теперь. За стеклами автомобиля промелькнули указатели Совхоза имени Ленина, Видного, Калиновки, потом проехали Горки, Белеутово, Горки Ленинские, Домодедово и Ям.

— Между прочим, — решила блеснуть знаниями Натка, — слово «ям» с XIII по XVIII век на Руси означало почтовую станцию, где содержали разгонных ямских лошадей, а еще обустроивали постоянные дворы для отдыха ямщиков. А именно это село находилось в то время на расстоянии одного ямского гона от Москвы, поэтому здесь путешественники в первый раз меняли лошадей.

— Ну, нам-то свою лошадь менять не надо, — засмеялся Костя и ласково погладил руль. Машину он считал живым существом и, Натка знала, всегда с ней разговаривал, когда думал, что никто не слышит.

— Нам — нет, но кофе выпить можно, — заканючила Натка. — Нет, ну, правда, Кость, давай остановимся, будем пить кофе и представлять, что мы на постоялом дворе.

— Наташ, мы всего тридцать километров проехали из восьмисот пятидесяти. Ты собираешься на дороге ночевать? Если хочешь кофе, то покопайся в сумке на заднем сиденье, я термос захватил. Знал же, что ты обязательно кофе за-

клянчишь. Так что до Тамбова остановки только санитарные.

— А в Тамбове что? — с подозрением спросила Натка.

— А в Тамбове — обед. Он как раз примерно на середине пути, так что остановимся там передохнуть на час и дальше в путь. Поняла?

— Мальчик хочет в Тамбо-о-о-ов, ты знаешь, чики-чики-та¹, — запела Натка и деловито полезла на заднее сиденье за термосом.

Ей было немного стыдно, что захватить с собой кофе догадалась не она. Конечно, Костя, в отличие от нее, бывалый командированный, знает, что нужно брать с собой в долгую дорогу.

У Таганцева вообще любое дело ладилось, все ему в этой жизни было к рукам и по плечу. И кран заменить, и машину починить, и с любой другой житейской неурядицей разобраться. Этим его свойством вовсю пользовалась не только Натка, но и ее сестра Лена. Вообще-то ее старшая сестра познакомилась с тогда еще младшим лейтенантом Таганцевым первой и даже имела с ним непродолжительный роман, но потом познакомилась ухажера с младшей сестрицей, и тот, пораженный Наткиной красотой, что называется, пропал.

¹ Из песни Мурата Насырова «Мальчик хочет в Тамбов».

Натка всегда с благодарностью думала о том, что во многих семьях такой кульбит привел бы если не к полному разрыву семейных связей, то к холоду в отношениях точно, но Лена не была бы собой, если бы обиделась на то, что сестра отбила у нее кавалера. Наоборот, за Натку она искренне радовалась, надеясь в глубине души, что серьезный и обстоятельный Таганцев отучит ее сестрицу влезать в любые валяющиеся на дороге неприятности, а с Костей просто продолжала дружить. Ну и пользоваться его незаменимостью в трудных ситуациях, разумеется.

Влезать в неприятности Натка, впрочем, не перестала. С ней постоянно что-то случилось, то ли в силу врожденного авантюризма, то ли от невезучести, вот только теперь из разных историй ее вытаскивала не только старшая сестра, но еще и капитан Таганцев. Как ни крути, а Лене хоть какое-то облегчение.

Через шесть часов пути они приехали в Тамбов. Непоседливой Натке дорога, признаться, порядком наскучила, поэтому она с радостью вылезла из машины, попрыгала, чтобы размять ноги, и увидела вывеску кафе, в которое ее привез Таганцев. «Автосуши. Автопицца» было написано на нем. Ну, конечно, Костя не мог забыть об огромной Наткиной любви к японской еде,

а потому постарался и в путешествии позаботиться о том, чтобы она могла получить удовольствие. Она с чувством расцеловала капитана в обе щеки.

— Спасибо тебе, — сказала Натка, примерилась и поцеловала Таганцева еще раз, теперь уже в губы. — Ты всегда все продумываешь. С тобой действительно можно отправляться в любой поход.

— Лучше бы ты наконец отправилась со мной в ЗАГС, — проворчал Костя.

— И что, скажи мне на милость, поменяет штамп в паспорте? — Этот спор они вели уже не в первый раз. — Если людям вместе хорошо, то ничего. А если плохо — тем более.

— Если плохо — не наш случай. А штамп в паспорте дал бы мне возможность заботиться о тебе на законных основаниях. Вот попадешь опять в больницу, а меня к тебе не пустят, потому что официально я тебе никто.

— В больницу я больше не собираюсь, — от воспоминаний о том, как полгода назад она оказалась в ковидном госпитале, Натку передернуло. — Спасибочки.

— Ну хорошо. Я окажусь в больнице. Будет то же самое.

— И ты ни в какой больнице не окажешься. Типун тебе на язык, Костя, — рассердилась Натка. — Хватит болтать. Пошли суши есть.

За соседним столиком в кафе оказалась молодая семья, которая невольно привлекала внимание. Высокие, спортивные, светловолосые, даже внешне похожие друг на друга муж и жена и с ними двое детей. Мальчик лет шести был точной копией родителей — такой же светленький. А вот кроха-дочка, сидевшая в коляске и постоянно вертевшаяся, оказалась смуглянкой с темными колечками кудряшек на голове. Интересно, неродная или причуды наследственности?

Родители ели суши, старшему мальчику была заказана детская пицца, а вот крохе в коляске было выдано детское пюре, которое можно было сосать из мягкого тюбика, особо не боясь испачкаться. Впрочем, дети во время еды пачкаются всегда, поэтому именно в тот момент, когда Натка рассматривала семью, малышка посильнее нажала на пакетик, яркая оранжевая струйка выплеснулась наружу и шмякнулась на штанишки.

— Павлик, вытри сестру салфеткой, — тут же отреагировала женщина.

Мальчик беспрекословно взял со стола бумажный квадратик, заботливо собрал пюре с коленок сестры, выбросил салфетку в опустевшую тарелку.

— Ну что же ты, Оля, — приговаривал он при этом, — аккуратнее же нужно кушать. Вот смотри, как надо это держать. Давай, я тебе покажу.

Натка от этой умильной картины расплзлась в улыбке. Все-таки хорошо, когда в семье двое детей. Старший ребенок учится заботе о младшем, а тот всегда может в этой жизни рассчитывать не только на родителей, но и на старшего брата или сестру. Вот как она всю жизнь рассчитывает на Лену. Может, это не Таганцев, а сама судьба толкает ее к тому, чтобы в семье появился второй ребенок? Сенька, конечно, растет чудесным мальчиком, но все-таки видно, что он — единственный сын и племянник, да и соседи по даче в нем души не чают, а потому постоянно балуют. Ему было бы полезно поучиться ответственности за другого человека.

— Смотри, а малышка-то наверняка приемная, — шепнул ей на ухо Костя, тихо, чтобы за соседним столиком не услышали.

— Думаешь? — спросила Натка. — Может, просто девочка в какого-то дальнего родственника пошла?

— Нет, что ты, сразу же видно, что у нее южная кровь в жилах течет, — покачал головой Костя. — Видишь, ничего страшного в усыновлении детей нет. И мальчик такой трогательный... Так о сестренке заботится.

— Я тоже сразу подумала о том, что у старшего ребенка в такой ситуации вырабатывается чувство ответственности, — призналась Натка. —

И моему Арсению это было бы совсем нелишним. И все-таки у меня столько вопросов, как жаль, что воспитание не позволяет мне подойти к незнакомым людям и напрямую спросить, как они на такое решились и какие трудности преодолевали.

— Поверь, Натка, на все вопросы ты обязательно получишь ответы, — серьезно сказал Костя. — Все будет хорошо, вот увидишь.

В половине пятого вечера они двинулись в дальнейший путь. Натка с интересом смотрела по сторонам. Всегда любопытно рассматривать населенные пункты, в которых ты никогда не был. А еще придумывать биографии людям, которые тут живут. Например, в Рассказове по вечерам можно собираться вместе и рассказывать друг другу сказки или фантастические истории. В Красных Гривках — купать коней, разумеется, красных, как на знаменитой картине Петрова-Водкина, в Большой Осиновке собирать подосиновики, а в поселке Светлый совершать только добрые дела.

Погруженная в свои мысли, она и не заметила, как они оказались сначала в Саратове, а потом и в конечном пункте своего назначения — Энгельсе. Часы показывали половину девятого вечера — еще масса времени для того, чтобы

спокойно поужинать перед тем, как лечь спать. И ужин оказался вкусным, и спала Натка хорошо, сквозь сон слыша через открытое на ночь окно, как плещет Волга. Гостиница, заказанная Костей, находилась на берегу реки, и ветер оттуда дул, несмотря на дневную жару, уже по-предосеннему свежий. И проснулась Натка утром, полная решимости действовать по обстоятельствам, какие бы они ни были.

Заведующая домом ребенка встретила их неласково. С точки зрения Натки, выглядела она именно так, как и полагается чиновнице средней руки, директору казенного дома. Лет пятидесяти с солидным гаком, дородная, с собранными в строгую кучку волосами на голове, выкрашенными в неестественный цвет спелой вишни, отсутствием следов ухода на лице, зато с ярким и не очень аккуратным макияжем. Одета она была в строгое синтетическое платье с короткими рукавами, сильно блестевшее на солнце. Одетая в мятые льняные брюки и хлопковую размахайку, Натка тут же почувствовала себя несолидной и вызывающей подозрение особой. По крайней мере, смотрела на нее директриса именно так, как смотрят на несолидную и вызывающую подозрение особу.

— Вы меня, наверное, помните, — начал разговор Таганцев. — Я два месяца назад приезжал

проведывать девочку, Настю Васильеву. Мы бы с женой снова хотели ее повидать.

Надо же, на слове «жена» он не запнулся даже.

— У нас постоянно ходят смотреть детей, — сообщила директриса, которую звали Мариной Васильевной. — Всех не упомнишь.

— Мы бы хотели познакомиться с Настюшей, чтобы окончательно решить вопрос о ее удочерении, — просительные нотки в голосе Кости Натка за несколько лет знакомства, пожалуй, слышала впервые.

И с чего бы это бравый капитан так оробел?

— Вот так прямо и удочерение? — в голосе директрисы звучала ирония. — Милые вы мои, вы хотя бы отдаленно понимаете, как эта система работает?

— Нет, — честно признался Костя. — Но мы уверены, что как раз вы нам все и объясните.

— Так ведь это в мои служебные обязанности не входит, — директриса развела руками. — У нас проблемы с усыновителями нет. Очередь желающих существует. Вы разве не знаете, что за последние десять лет детей в детских домах стало меньше в три раза? Сейчас модно это стало — приемных детей в семьи брать.

— Может, все же не модно, а просто общество стало более гуманным? — поинтересовалась Натка.

От цинизма директора дома ребенка ее почему-то коробило, хотя этому качеству в людях она уже давно не удивлялась.

— Да как хотите, так и считайте, — директриса махнула рукой. — Но у нас постоянно приходят знакомиться с детьми. И Настя Васильева пользуется большим спросом. Это и неудивительно. Наследственность у нее хорошая, генетических отклонений нет, врожденных заболеваний тоже. Три семьи ею интересуются.

«Спрос» тоже звучал цинично, как будто речь шла не о двухлетнем ребенке, а о товаре в магазине. Натка почувствовала, что начала закипать. Костя, видимо, почувствовал это тоже, поэтому взял ее за руку, призывая сохранять спокойствие. Только скандала им сейчас не хватало.

— Мы приехали из Москвы специально, чтобы повидать Настю, — сказал Таганцев директрисе. — Мне кажется, что в этом нет ничего противозаконного. Мы же не просим отдать нам ее в гостиницу или погулять по улице.

— Еще бы вы просили.

— Мы просто поздороваемся с ней, подарим игрушку, если вы разрешите, то конфет. Причем для всех детей хватит. И еще мы будем очень вам благодарны, если вы все-таки введете нас в курс дела, куда нужно обращаться, когда мы примем окончательное решение об удочерении.

— Ребенка повидать разрешу, — вздохнула Марина Васильевна. — Но только на полчаса и в присутствии воспитателя.

— Конечно.

— А что касается процедуры усыновления, то это далеко не так просто, как вам кажется. Сначала вам придется пройти обучение в школе приемных родителей.

— Где? — не поверила своим ушам Натка.

— Ну да. Это требование законодательства. Заявление можно подать на сайте госуслуг. Причем школу можете выбрать не по месту жительства ребенка, а по своему. То есть раз вы из Москвы, то психолого-педагогическую и правовую подготовку можете пройти там. Вам нужно обратиться в орган опеки и попечительства. Подготовка необходима для формирования у граждан воспитательных и родительских навыков, определения ресурсов семьи для содержания и воспитания ребенка, охраны его прав и здоровья. На занятиях вы узнаете основы законодательства Российской Федерации в сфере защиты прав детей, оставшихся без попечения родителей, права и обязанности усыновителей, существующие формы профессиональной помощи, поддержки и сопровождения семей, принявших на воспитание детей, оставшихся без попечения родителей.

Директриса бубнила так монотонно, что Натка вдруг почувствовала, что у нее начинает кружиться голова.

— По окончании школы вам будет необходимо получить заключение о возможности быть усыновителем, а после этого встать на специальный учет.

— Куда встать? — снова не поняла Натка.

— На учет в качестве усыновителя. Если вы еще не знаете, кого решили усыновить, то следующий шаг — подобрать ребенка.

— Да мы как раз уже, — влез в разговор Костя.

— Ну, значит, повидаете ребенка еще раз. Следующий шаг — обратиться в суд с заявлением об усыновлении. А в случае вынесения судебного решения в вашу пользу зарегистрировать усыновление в органах ЗАГС.

Услышав про суд и его решение, Натка слегка приободрилась. Она была уверена, что Лена им обязательно поможет. Не в плане решения суда, разумеется, а просто информацией и профессиональной юридической консультацией, куда идти и что делать.

Попрощавшись с Мариной Васильевной, Натка с Таганцевым прошли во внутренний дворик дома ребенка, куда детей как раз вывели на утреннюю прогулку. Младшая группа гуляла отдельно от старшей. Увидев малышей, похожих

на нахоженных воробьев, Натка вдруг почувствовала, как у нее сжалось сердце. Она хорошо помнила Сеньку в его три года. Ее сыночек, которого она в силу обстоятельств растила одна, никогда не испытывал недостатка в ласке, любви и внимании. Он и выглядел совсем по-другому: улыбочивый, розовощекий пухляш, в глазах которого светились огромное любопытство и полное доверие к окружающему миру.

Для Сеньки с самого рождения мир был внимательным, дружелюбным и полным абсолютной любви. Эти же малыши в массе своей были худенькие и бледные, а в их глазах отражались детская скорбь и какая-то мудрость, совершенно несоответствующая возрасту. Они даже двигались не так, как остальные дети — подвижные, неутомные, шепотные. Словно привыкли жить с оглядкой, стараясь не нарушать правил.

— Настюша! — закричал стоящий рядом Таганцев. — Настенька, иди сюда.

От группки детей, которые увлеченно играли на лавочке какими-то куклами, отделилась маленькая девочка с белокурыми кудряшками, оглянулась на воспитательницу, спрашивая разрешение, получив милостивый кивок, двинулась на тоненьких, похожих на веточки, ножках в сторону Натки и Кости. Ручки у нее тоже были как веточки, а когда она подошла поближе, у Нат-

ки перехватило дыхание от синевы огромных, в пол-лица глаз. Ну да, Таганцев говорил, что у этого ребенка совершенно потрясающие глаза.

Натка вдруг подумала о том, что совершенно не подготовилась ко встрече. Что говорят в таких случаях? Называют свое имя? Спрашивают имя ребенка? Но они же уже знают, что девочку зовут Настей. Сразу протянуть куклу или подождать? И вообще, что сейчас думает этот маленький человечек? На что надеется?

Ответ на этот вопрос появился незамедлительно. Остановившись перед присевшей на корточках Наткой, Настя уставилась ей прямо в лицо своими невообразимыми глазищами и требовательно спросила:

— Ты — моя мама?

Мир остановился. Исчез куда-то гомон детских голосов, прерываемый резким покрикиванием воспитательницы. Солнце перестало слепить глаза. Не хрустел песок под тонкой подошвой босоножек. Не дышал взволнованно рядом Таганцев, надежный, любящий, верный Костя, который фактически силой привез ее в Энгельс.

— Нет, — сказала Натка тихо. — Я не твоя мама, малыш.

И не увидев, а скорее почувствовав, как вздрогнул от этих слов Таганцев, добавила поспешно:

— Но я бы очень хотела ею стать.

Несмотря на раннее утро, термометр уже показывал двадцать шесть градусов. Ну да, днем обещали плюс тридцать два, невиданное дело для августа. Хорошо, что залы заседаний оборудованы кондиционерами, иначе работать было бы вообще невозможно. Доехав до работы и вознеся хвалу небесам за то, что моя машина сегодня не выдала мне никаких возможных приключений (как бы я в отсутствие Таганцева с ними справлялась, интересно), я поднялась в свой кабинет, где на столе уже стояла обещанная Машкой корзина, из которой выглядывал кабачок. Огурцы, перцы, помидоры и зонтики укропа тоже были на месте. Я вздохнула и переставила корзину на стул, задвинув последний под стол для посетителей. Не хватало еще, чтобы визитеры видели в кабинете федерального судьи выставку урожая.

В кабинет заглянул мой помощник Дима. Улыбка у него была ехидная. Знамо дело, из-за корзины, почему бы еще?

— ЕленСергеевна, — скороговоркой произнес он, — доброе утро. Кофе будете?

— Буду, Дима, — вздохнула я, привычно сокрушаясь, что не забежала в соседнюю булочную за свежими пирожными.

Раз уж мой помощник каждое утро заботливо поит меня кофе, надо и мне вносить вклад в ре-

гулярный второй завтрак. Конечно, иногда я так и делаю, но вот сегодня проскочила мимо, решив, что и так сойдет.

— К кофе у меня есть пряники из Базеля, — ответил на мои невысказанные мысли Дима. — Отец только что вернулся из командировки в Швейцарию, привез. Это, чтоб вы знали, прямо символ Базеля. Пряники изготавливают по специальной рецептуре, причем вручную. Рецепт передают из поколения в поколение, и изысканным вкусом эти пряники, говорят, не похожи ни на какие другие в мире. Я решил, что вы должны попробовать.

Мой помощник из очень состоятельной и, что называется, приличной семьи. Его отец работает в МИДе, поэтому Дима может вести весьма безбедную жизнь при довольно скромной зарплате помощника судьи. Признаться, Диме уже давно надо сдавать экзамены и выходить на самостоятельную дорогу, но он продолжает работать со мной, утверждая, что никуда не спешит, а пока набирается бесценного опыта.

Правда, я подозреваю, что ему просто лень готовиться к квалификационному экзамену, а потом проходить конкурс, вот он и ищет отмазки, чтобы этого не делать. Что ж, при таких родителях это и неудивительно. Надо признаться, что меня такое положение дел тоже вполне устраивает,